

ства люди, и сиповщиков 20 человек, да стрельцов московских 500 человек. А едет okolничей по государскому указу в Даурские городки и в Китайское царство послом ко царю. А из Тобольска поехал okolничей на 25 дощаниках мая в 30-м числе в самое Петровское заговенье и стоял за погоду за рекою и в Сузгуне два дни. А из Тобольска взято на ту службу служилых людей стенных стрельцов, и казаков, и казачьих детей, и братьев, и племянников от семей женатых 500 человек. Да и с Верхотурья, и с Тюмени, и с Пелыми, и с Епанчина, и из слобод брано дружины 500 человек. Из Березова, и из Томска, и из Енисейска, и с Илимска, и из Якутска велено взять 1000 человек, да охочих в тех же во всех городах прибрать 1000 человек...

В. М. Кулемзин, Е. Н. Сязи

КОЛДУНЫ, ЧАРОДЕИ, ВОЛШЕБНИКИ И ШАМАНЫ

Предлагаемый читателям материал был опубликован в альманахе "Сибирская старина" № 8 в 1994 году без научного комментария под названием "О хантыйских шаманах". При глубочайшем уважении к издателям этого альманаха редакция решила повторить публикацию, так как читатели неоднократно просили автора сделать научный комментарий к его статье. Публиковать же комментарий без текста статьи не имеет смысла. Кроме того, повторная публикация вызвана устойчивым и большим интересом читателей к этому материалу, а альманах "Сибирская старина" за 1994 год давно стал библиографической редкостью.

НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Ещё сто лет назад известный религиовед и культуролог, один из основателей мировой этнографии Эдуард Тэйлор писал: "Все первобытные религии являются странными и до известной степени малопонятными...". Хотя и теперь многие вопросы не решены и являются дискуссионными в отечественной и зарубежной литературе, всё-таки кое-что обрело ясность и определённости. В частности, большинство исследователей сошлось на мнении о периодизации, т. е. исторической последовательности смены одних форм верований другими. Так же теперь ясно, что дорелигиозного периода человечества вообще не было: мировоззрение самого древнего человека соединяло в себе нечто рациональное и вымышленное, фантастическое, т. е. представления о сверхъестественном, не поддающемся закономерностям материального мира.

Самой древней формой верований обычно считают фетишизм. Этот термин в науку был введен французским этнографом Шарлем де Брассом в конце XVII в. Фетишем Брасс называл первый (любой) материальный объект, который наделяется особыми свойствами — вступать в связь с человеком. Кстати, "religare" в переводе с латинского означает "связывать". Фетишем может быть камень, животное или его часть (клык, коготь), озеро, гора, светила и т. д. Идолопоклонство — это разновидность фетишизма. Сущность фетишизма хорошо выразил русский этнограф Н. Харузин: "Фетиш не есть видимая форма божества, он сам божество".

Если в предметах-фетишах нет духа, души или какой-либо другой жизненной силы, то она "появляется", "заселяет" фетиши на следующей стадии мировоззрения — анимистической. Термин анимизм был введен английским этнографом Э. Тэйлором (от латинского слова *anima* — душа). Анимизм последовательно сменяется политеизмом и монотеизмом. Здесь уместно заметить, что одно из основных различий между духами и божествами состоит в том, что с духами человек устанавливает отношения на паритетных началах, на принципах равенства, тогда как от божеств и богов человек зависим полностью.

Шаманизм, который базируется на анимистических воззрениях, имел свои стадии развития и одной из его ранних стадий было так называемое по-

головное шаманство (термин был введён этнографом В. Г. Богоразом). На этой стадии любой член родового общества мог вступать в связь с духами, влияющими на бытие человека. С течением времени возможность вступать в эту связь становится монополией особых лиц — избранников духов. Представления об иерархии духов, иерархической лестнице вообще распространялись из индо-иранского круга культур уже в неолитическое время. Они не были характерны для мировоззрения сибирских автохтонов. Здесь, в Сибири, отношения с духами строились на принципах равенства, подобно тому, как строились отношения в социальных ячейках (семья, род, фратрия, племя, народ). Одним из принципов таких отношений было, например, правило оставлять в зимовье всё необходимое для тебе неизвестного человека, исходя при этом из предположения, что кто-то точно так же оставил где-то всё необходимое для тебя. Право (возможность, способность) ощущать себя через коллектив, отсутствие иерархии — основной показатель этих своеобразных общинных отношений.

Сибирский шаманизм для науки представляет интерес именно по той причине, что, сохранившись, он донёс до нас все стадии мировоззрения и религии, которые насаивались одно на другое. В предлагаемой ниже публикации речь идёт о лицах, которых можно назвать предшественниками шаманов, иначе говоря, о местных автохтонно-сибирских ворожеех, колдунах и т. д., отправляющих свои функции не только без бубнов, но часто и без духов. Шаманизм в современном понимании, распространяясь среди различных сибирских народов, включал в свой арсенал местные способы гадания, врачевания, предсказания. Именно по этой причине он выглядит по-разному у разных народов.

* * * *

Сколько раз человечество решительно отворачивалось от всякого рода проявления сверхъестественного, столько раз и поворачивалось для того, чтобы узнать нечто большее, чем знало раньше. О чём свидетельствуют такие крайности в оценке самого себя? Без всякого сомнения, о том, что мы до сих пор не знаем, что такое сверхъестественное, где грань, которая отделяет одно от другого. Подвижна эта грань или неподвижна? Есть ли предел развитию человеческих способностей? От чего зависит этот предел, для всех ли он одинаков? А если человек верит в сверхъестественное и из этой веры черпает силы? И как называть людей с этими необыкновенными способностями? Волшебник? Экстрасенс? Знахарь? Фокусник?

В традиционном хантыйском обществе и обыкновенные, и необыкновенные люди целые тысячелетия подряд, изо дня в день, проделывали одну и ту же работу. А отдельные продолжают проделывать её и теперь. Они скользили по искристому снегу на подбитых мехом лыжах, внимательно рассматривая замысловатую вязь следов, настораживали луки и ловушки, рассекали спокойную гладь воды долблёнными лодками, шили меховую одежду и обувь, строили в непродуваемом месте зимнее жилище, а на прибрежных продуваемых песках — летнее. Как и у других народов — звероловов и рыболовов — у хантов, конечно, не наступало такое время, когда можно было сказать: “Ну вот, работа сделана, теперь пора и отдохнуть”.

Но люди хотели получить ответы на множество вопросов, которые ставила жизнь. Будешь ли здоров? Будут ли живы-здоровы твои дети? Каков будет промысел? Что ожидает тебя и твой народ впереди? На эти вопросы давали ответы под оглушительные и экзотические удары в бубен шаманы, под треск костра и в кромешной лесной темноте провидцы, об этом же говорили полупьяные от мухомора ясновидцы-предсказатели. Не так-то просто разобрать, где здесь рациональное граничит с простой фантазией, где народный проверенный опыт, а где не прошедшая проверку личная выдумка, где медицина и где шарлатанство. Как проникнуть во всю эту смесь мистики и рацио-

нального, кто будет проникать — эти две основные сложности сделали историю вопроса похожей на длинный детектив, который растянулся от пещерных времён до космических полётов. Здесь имело и имеет место много сложностей: языковые, культурные, социальные, территориальные барьеры, замкнутость или, скорее, “клановость” определённого набора секретных приёмов.

...Два этнографа в 1969 году из Томска сначала поездом, потом самолётом, а потом на оленях добирались до одинокого стойбища 60-летнего охотника Алексея Кунина. Говорили, что у него хранится семейная святыня — шапка и железная корона его отца Ефима Кунина, знаменитого хантыйского шамана. Этот шаман, как и многие другие его коллеги, был расстрелян в начале 40-х годов за своё странное и непонятное искусство. Последний раз духи перед своим повелителем Ефимом Куниным появились по ту сторону колючей проволоки норильского лагеря, и после сухого щелчка винтовочного выстрела шаман и духи не встречались на этом свете.

Теперь его сын Алексей шаманит без реквизитов: у него нет ни бубна, ни колотушки, ни звенящей одежды, но от отца он получил самое дорогое, невидимое для “комиссаров” — духов-помощников и среди них самого главного — змею. И ещё Алексей далеко от стойбища в глухом урочище своих охотничьих угодий хранит шапку-корону своего отца, за которой и собирается ехать на своих священных и быстроногих оленях. Целый год железная корона в виде оленьих рогов хранилась в фондах археологического музея Томского университета, пока не пришла изложенная в письме убедительная просьба Алексея вернуть эту корону: Алексей никак не хочет оказаться по ту сторону колючей проволоки, и духи-помощники, явившиеся во сне, приказали вернуть корону на место. Этнографы покидают гостеприимный чум Алексея, на полу которого лежат лосиные и оленьи шкуры и на просушке висят две росомашьих. Проводник Кузьма Прасин, откинув капюшон меховой малицы, заглядывает в чум:

— Быстро на нарты, скоро темно.

Шаман остаётся наедине со своими духами и 20-летней женой Катей: процесс старения прекращается, если у пожилого мужчины имеется молодая жена.

Через три месяца Алексей со своей молодой женой приехал в посёлок и навестил соседа по дому, этнографа из Томска.

— Пычавола, Руть-ики! Здравствуй, русский мужчина!

Руть-ики уже привык к визитам четы Куниных и не рассчитывал на откровения Алексея, но однажды Алексей сказал, смешивая хантыйские слова с русскими:

— Помирать будешь, потом оживать будешь, потом болеть не будешь.

Руть-ики уже догадался, что Алексей предлагает сеанс лечения, поэтому выяснил обстоятельства, при которых он должен состояться. Их несколько: в течении трёх дней ни дома, ни близ дома не должно быть резких звуков, в том числе лая собак; горящая печь не должна трещать, так как ничто не снимает сон так быстро, как треск огня, и такое же действие оказывает стук оленьих копыт по мёрзлой земле, если она не прикрыта мхом; никто не должен войти в наше жилище до окончания сеанса. Эти условия легко выполнить на стойбище Алексея, но в посёлке проведение сеанса сопряжено с риском.

— Каков риск, если не будет выполнено одно из условий?

— Уснёшь и никогда не проснёшься.

— Были ли такие печальные случаи в твоей практике, Алексей?

— Нет. Всегда было хорошо. Называй меня исыль. Мой отец ворожил с бубном. Это был ел. Ворожей без бубна, который переводит человека с этого света на тот и с того света на этот, называется исыль.

— Я согласен на неполный сеанс, так как нет необходимых условий, а ехать на стойбище в верховье Аккын-Егана очень далеко. Предупреждаю ещё об одном: гипноз на меня не действует и вряд ли удастся меня усыпить.

Алексей ушёл и более сегодня не приходил. Он пришёл на следующий день и потребовал от Руть-ика обещания хранить в тайне в течении двадцати лет всё, что произойдёт сегодня. Руть-ики принял первый психологический удар, который был совершенно неожиданным: Алексей говорил своим голосом, но на себя не был похож — лицо опухшее, глаза-щелки спрятаны за повисшие веки. Так обязательная связь между внешностью и голосом была нарушена. Исылта-ку был страшен. Не случайно приблизительный перевод этого слова означает “человек, который заставляет плакать”. Особо сильные люди этой категории ещё в недавнем прошлом могли проделывать и другие трюки: протыкать себя насквозь, вспаривать живот, доставать, а затем класть на место внутренности, отделять голову. Всё это необходимо, потому что со временем страх исчезал, а пришедшее на его место спокойствие было предвестником сна. Да и поверить в необыкновенную силу ворожея заставляли эти трюки.

Алексей стал ходить по единственной маленькой комнате, делая бесконечные круги “по солнцу”, и призывный клич “га-га-га, гой, гой, гой”, обращенный к его невидимым духам-помощникам, увенчался успехом: приползла невидимая змея. Именно она и поедает духа — носителя болезни.

— Менкам пришёл, дай мне нож, — обратился Алексей ко мне. — Змеею надо посадить сюда, — указал он пальцем на грудь.

Я подал более безопасную вещь — напильник, который ворожей вставил в яремную вырезку и с хрустом расходящейся ткани вогнал его в грудь. Тогда Руть-ики отметил про себя, что звук был издан скрежетанием зубов и что лицо постепенно обретает нормальный вид (до того Алексей несколько часов подряд висел вниз головой). Руть-ики тоже стал следопытом и обратил внимание на след, оставленный ремнём на меховой обуви. Руть-ики раздвинул ворот рубахи ворожея и увидел небольшое красное пятно, оставленное напильником.

— Змея теперь в руке, можно лечить, — сказал ворожей. — Я лечил много женщин, у которых были тяжёлые роды, много мужчин, у которых болел желудок. Никто из них не ушёл навсегда к подземному богу Кали-Торуму. Нуми-Торум живёт наверху и даёт людям жизнь, а Кали-Торум живёт внизу и забирает жизнь, и одет он во всё чёрное, вечный враг белого Нуми-Торума. Здесь у людей есть день и ночь, и время идёт вспать у Кали-Торума: человек доживает до рождения и попадает к Нуми-Торуму, который отдаёт его на землю; и самая главная река Обь течёт далеко на север, пропадает под землю и течёт, как и время, вспать в царстве Кали-Торума и выходит наружу где-то в жаркой стране маленьким ручейком. Ты скоро будешь долго-долго спать, и я лягу рядом с тобой: дорога к Кали-Торуму полтора дня и полтора дня назад, ты будешь спать три дня: Кали-Торуму я передам твой подарок — трубку и табак и скажу ему, чтобы он тебя не брал.

Тут ворожей поставил перед собой две эмалированные кружки с тёплой водой и бросил в одну из них засушенную плёнку от гриба-мухомора, в другую — сам гриб без плёнки — сильное галлюциноген-

ное и одновременно наркотизирующее вещество готово. Но это только для него: в течении всего времени, пока будет спать его пациент, ворожей должен бодрствовать, иначе пациент не вернётся к небесному богу, а на русском языке — попросту умрёт.

Ворожей последний раз подбрасывает в печь дров, чтобы Руть-ики от тепла быстрее сомкнул глаза, а далее сон будет проходить в холодной комнате.

— Никакой русский кружка не должен быть, — вдруг спохватился ворожей. — Панк, — указал он на мухомор, — должен быть в деревянной чашке в снеговой воде.

Впрочем, для Руть-ики было всё равно: кружки с мухомором, жар от печи, опухшее лицо и маленькие красные глаза ворожея, два бога-антипода и две громадные Оби стали сплошной вещью, полуреальной, полуфантастической, поволока стала застилать глаза, и вместо комнаты как марево чудились бесконечные северные просторы с белесым мхом и чахлыми деревцами. “Не капнул ли по дружбе в чай колдовского отвара мой милый доктор”, — отметил про себя Руть-ики и впал в забытье...

— Вставай, вставай, Руть-ики! — растирал мои ладони ворожей, иногда щупая пульс на шее, и это было особенно странно и непривычно, потому что пульс обычно щупают на запястье руки. — До Кали-Торума мы не пойдём, вставай сейчас, ты уже посмотрел, как лечит исылта-ку, вставай и ходи по солнцу, а потом пойдёшь на улицу.

Руть-ики оторвал от стола голову и обнаружил у рта кусок оленьей шерсти: по колебанию ворса ворожей тщательно следил за дыханием, которое должно было постепенно угасать, но всё-таки не до конца. Ворожею, конечно же, было не до сна в столь ответственный период, ибо нужно постоянно следить за пульсом и дыханием пациента: пульс, а точнее кровяное давление, не должно опускаться ниже допустимого. Вероятно, на этот предел указывала оленья шерсть. Руть-ики сделал несколько кругов по солнцу и тогда услышал, как прошептал ворожей:

— Менкам ушёл.

Это означало, что змей-помощник уполз из своего убежища — руки Алексея.

По всей вероятности, прошло всего несколько минут и забытье длилось недолго. По-прежнему было жарко, горела печь. Руть-ики спросил:

— Ворожей-исылта, зачем ты мне растираешь ладони, шею, щеки?

— Ты видел, как замерзшие мужчины подходят к костру? Они над огнём держат руки. Тепло у мужчин идёт от руки, и мёрзнуть мужчина начинает от рук. Женщины к костру поворачиваются спиной и греют зад, поэтому, когда приходится лечить женщину, растирать надо ягодицы. Растирать следует долго и обязательно, потому что в помещении должно быть прохладно, тело надолго уснувшего пациента становится холодным, негибким и синим, его нужно сделать подвижным, значит, живым.

Как толково, со знанием дела ворожей действовал, так же толково он попытался ответить на вопросы пациента-этнографа. Выяснилось, что весь сеанс состоит из трёх этапов: усыпление пациента, сон пациента, возвращение к жизни. Каждый из этих этапов сложен и ответственен. Самым сложным ворожей исылта-ку, как правило, считают второй этап. Для Алексея большую сложность представляет этап

“оживления”, так как пребывание в состоянии бодрствования в течении двух–трёх суток при правильном употреблении мухомора для него особого труда не составляет. Впрочем, есть, вернее, были ворожеи, для которых наибольшую трудность представлял первый этап: именно по этой причине наследственная передача необходимых способностей часто себя не оправдывала: родной брат Алексея Иван не стал ворожеем.

И всё-таки, что же происходило во время так называемого лечения, что оно из себя представляет? Ведь и на самом деле принявшие сеанс не отрицали улучшения своего состояния. На этот вопрос ни ворожей Алексей, ни его жена, никто другой, безусловно, не могли дать исчерпывающего, соответствующего современному уровню развития медицины ответа. Можно лишь предполагать, что сведённое к минимуму кровяное давление сильно затормаживало все физиологические процессы, некоторые органы, видимо, практически не функционировали, а потому и отдыхали. “Возвращённый к жизни” не случайно испытывал такое ощущение, словно “заново родился”. Непонятным остаётся и способ введения пациента в нужное состояние.

Без всякого сомнения, различные ворожеи, лекари и гадалки вносили заметное разнообразие в жизнь традиционного общества, делали её эмоционально богатой, насыщенной.

С сожалением вспоминая давно минувшее, старые ханты лишь иногда говорят о том изобилии, которым их щедро одаривали тайга и реки, но зато как о невосполнимой утрате говорят они об исчезнувших ворожеях.

Чаще всего говорят они о предсказателях промысла нюкуль, нюкуль-вель. В шестидесятых–семидесятых годах воспоминания о них были столь живы, что складывалось впечатление об их вчерашнем исчезновении, а об их сеансах говорили, как о только что закончившемся великолепном фильме. Судя по рассказам очевидцев, исчезли эти ворожеи в конце сороковых — начале пятидесятих годов, а до семидесятых “дожили” лишь отдельные аксессуары в виде медвежьих лап, когтей рыси, различных свистков и манков, уцелевших в берестяных коробах где-нибудь на давно заброшенном стойбище.

Для представления нюкуль-вель ханты делали специальный конический берестяной довольно вместительный чум. С наступлением темноты туда собирались желающие и рассаживались кругом. В центре чума лежал большой кусок бересты и сухая трава с листьями. Сам ворожей нюкульты-ку входил в чум раньше других: ему нужно было собрать духов зверей, и это он делал, мастерски подражая их голосам. Кроме того, некоторые звери шли на призывный звук особого инструмента панах-юх: лось, медведь и бурундук не меньше человека любят слушать, как звенят туго натянутые струны из сухожильных нитей. На этом представлении происходит первое знакомство детей с лесным миром, и впечатление не должно быть обманчивым, ибо дети — будущее каждого народа, детям предстоит охотничья жизнь. А взрослые, уже умудрённые опытом работники, будут следить за поведением зверей, которое без всяких переводчиков укажет, промысел какого зверя в предстоящем сезоне будет удачным, а какого не очень.

Побывавший на таком представлении у ваховских хантов в конце двадцатых годов М. Б. Шатилов довольно красочно и подробно его описал. Вот небольшой отрывок из этого описания.

“И вот вдруг как бы действительно кто-то упал с крыши на бересту. Панах-юк смолк, но вместе с тем началось в юрте какое-то интригующее шуршание. Затем опять как бы кто-то упал с крыши. И

вдруг слышались различные звуки, подражающие крикам птиц, зверей — это появились духи по вызову шамана.

Первым услышали мы пение кукушки — этой вещицы птицы. Её мягкое мелодичное пение слышалось в разных углах юрты. Затем грустная мелодия кукушки вдруг сменилась хлопанием крыльев огромной птицы, и мы были поражены искусным подражанием лесному хохоту совы. Этот злобный хохот буквально наполнял юрту.

Вслед за этим прокричал удот: “Ху-до, ху-до”. При этом мои соседи волновались и шептались: “Ой, ой, худо, худо”.

Вдруг эта мрачная картина была нарушена вызывающим и весёлым криком испуганной с места утки: “Кря, кря, кря”. Настроение сразу изменилось, слышался весёлый шёпот, облегчённые вздохи... Последним как бы высоко над нами пролетел журавль: “Курлы, курлы”, призывая всех в небесные дали.

В то же время сверху вновь кто-то упал и слышался характерный свист бурундука и “чёлканье” белки. Из темноты слышался голос: “Белка, я стреляю, упали”. Белка запрыгала сильнее. Это предвещало плохой промысел белки.

Вдруг в юрту ввалился кто-то огромный, тяжёлый. Началась возня... это медведь...”

Многие нюкульта-ку были самыми настоящими фокусниками: ловили на лету пущенные из тугого лука стрелы, вылазили из завязанного мешка, снимали с себя одежду, имея связанные руки, а один прославился на весь Васюган тем, что стоя в вертялой долблёной лодке, зубами мог достать плывущую по воде ветку. Русский миссионер, посетивший хантов в XVIII веке, писал: “Волшебствующего накрепко связуют, вводят в тёмную хижину, а сами присядят играючи в свои свирели”. Видимо, нюкульта-ку проделывал какие-то трюки под аккомпанимент своих соплеменников. Сейчас, когда ни одного фокусника нюкуль не осталось, трудно гадать, где были трюки, а где — настоящее искусство.

О далёком и недавнем прошлом хантов рассказывали и пели арэхта-ку, что буквально значит песня-человек. Это были неписанные учебники по истории всего хантыйского народа с самых незапамятных времён. В свободное от охоты время, обычно перед сном, они брали в руки свой немудрёный панан-юх, выдолбленный из еловой доски, и в напевной форме рассказывали о происхождении семей, родов, всего народа, о его движении по многочисленным притокам Иртыша и Оби, о тех народах, с которыми приходилось встречаться и расставаться. Но не только ради интереса млад и стар из соседних юрт окружали всегда желанного арэхта-ку. Он мог поведать многое из того, что крайне важно знать, но по каким-то причинам забыто и растеряно: в какой род нужно отдать дочь замуж и из какого рода можно взять молодую хантыйку в жёны, чтобы избежать кровосмешения; где кончается власть деревянных идолов нашего племени и начинается власть чужих идолов; кому на охоте следует действовать смелее, а кому осторожнее. Пытливым взглядом арэхта-ку изучал своих соплеменников и всегда давал нужные советы.

... Руть-ики сидит на крыльце старца Петра Смолина, ханта с Малой Сосьвы. Пётр — один из последних исполнителей народного эпоса. Репертуар его, как и история хантов, не имеет ни конца, ни начала: вечно были песни, вечно жили ханты. Двенадцать общих тетрадей его песен убористым почерком записала венгерский фольклорист Ева Шмидт, десятки кассет с магнитной лентой.

2. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.

— Скоро ли конец? — спросил однажды Руть-ики.

— Мы только что начали, — ответил старец.

Возвращается из леса его жена-старушка и снимает с плеч большой короб с брусникой. Садится рядом со стариком, поёт и играет: у неё свой инструмент из ребра лося и свой репертуар. Женские песни не поют мужчины, а мужские — женщины, так же как женскую работу не делает мужчина, а мужскую — женщина.

— Про всех ли ворожеев ты мне рассказал? — спросил в день расставания Руть-ики старика Смолина.

— Нет, ещё были мухоморщики, были предсказатели по кошачьему мурлыканью, по треску костра; были и такие, которые “понимали” детский плач: ребёнок плачет — никто не знает почему, а ворожеи знали; были сильные шаманы с бубном и колотушкой, которые умели и знали всё. Они лечили больных, плавали к богу Торуму, помогали охотникам, говорили судьбу... Шибко много надо рассказывать.

Руть-ити однажды довелось услышать оглушительные удары в бубен, которые перенесли его душу из того места, где стоят сейчас буровые вышки Васьеганского месторождения нефти, в небесную высь, где от лёгкого ветра покачивается на цепях берестяная юрта Нуми-Торума.